

Жанна Тевлина

Враньё

Название романа «Враньё» говорит само за себя. Жизнь – враньё. И в то же время – это счастье. Как и сам автор, герои книги занимаются поисками счастья путем смены места проживания. И это – опять иллюзия...

Евгений Евтушенко

Счастливый случай (Рипол)

Жанна Тевлина

Вранье

«РИПОЛ Классик»

2016

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Тевлина Ж.

Вранье / Ж. Тевлина — «РИПОЛ Классик»,
2016 — (Счастливый случай (Рипол))

ISBN 978-5-386-09618-2

Как прожить без вранья? И возможно ли это? Ведь жизнь — иллюзия. И нам легко от этой мысли, и не надо называть вещи своими именами... 2000 год. Москвич Шура Ботаник отправляется в Израиль на постоянное место жительства. У него нет никаких сионистских устремлений, просто он развелся с женой и полагает, что отъезд решит его проблемы, скорее метафизического свойства. Было в его жизни большое вранье, которое потянуло цепочку вранья маленького, а дальше он перестает понимать, где правда и где ложь и какая из них во спасение, а какая на погибель. Несмотря на многие разочарования, у Шуры идет процесс самоидентификации, и он понимает, что некоторые вещи от его выбора не зависят. Так случилось. В конечном итоге все пути ведут в Москву.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-386-09618-2

© Тевлина Ж., 2016
© РИПОЛ Классик, 2016

Жанна Тевлина

Враньё

© Жанна Тевлина, 2016

© ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2016

Название романа «Враньё» говорит само за себя. Жизнь – враньё. И в то же время – это счастье. Как и сам автор, герои книги занимаются поисками счастья путем смены места проживания. И это – опять иллюзия...

Евгений Евтушенко

Опыт длительного проживания вне родины оказывается очень полезным для русскоязычных писателей – замечаю это в том числе и по драматургии. Вероятно, взгляд с некоторого расстояния позволяет обострить восприятие реальности. Острота и жизненная достоверность – именно это характерно для романов Тевлиной, которые действительно очень интересно читать!

Иосиф Райхельгауз

Жанна Тевлина знакома мне, прежде всего, как переводчица поэзии, которой присущи чувство языка и гармонии, редкое сочетание в наше суматошное время, когда все соревнуется в оригинальности формы и забывают о языке как таковом, равно как и о мысли, без которой нет литературы.

Евгений Евтушенко

Шура двинул локтем и больно ударился обо что-то твердое. Резко обернулся и увидел рядом тележку с едой. Стюард, из новых соотечественников, виновато улыбнулся: «Sorry!» Шура понимающе кивнул, мол, сам виноват, нечего руками махать. Вот оно, оказывается, преимущество сидения в последнем ряду. Еду подадут первому. Но стюард уже грохотал своей тележкой в сторону передних кресел. Шура расстроился. Он не просил сажать его в последний ряд, он всего лишь попросил место у прохода.

Шура давно уже отказался от сомнительного удовольствия детских лет. Созерцание облаков в окно иллюминатора – занятие интересное, ну а если в туалет понадобится? Каждый раз просить соседей привстать, чтобы он мог протиснуться? И так полет не из приятных, а тут еще беспокоиться, что о нем подумают, если он вдруг попросит! Нет, эти испытания не для него. Хотя несколько отвлекают от основной думы. О том, что же будет с ним там.

Он не заметил, как тележка подкатила к предпоследнему ряду.

– Fish? Chicken?

Полная женщина средних лет, не задумываясь, ответила: «Куру, куру!» – и, выхватывая подносы, начала метать их в сторону своей семьи, состоящей из мужа и малолетнего сына. Шура подумал, что сын маловат для такой старой тетки, но официант уже предупредительно склонился над его креслом:

– Fish? Chicken?

Шура произнес с чувством собственного превосходства:

– Chicken, please!

– Chicken finished, only fish!

Интересно, зачем он спрашивает? Шура сорвался. В обычной ситуации он никогда бы не полез выяснять отношения, но нервы были на пределе, и он не смог сдержаться. Начал издали:

– Listen, I bought the same ticket and I want...

Он вдруг с ужасом понял, что английские слова куда-то уплывают и он не может кратко сформулировать свою мысль, в целом довольно простую. И еще он вспомнил, что билет-то он не покупал, а получил от Сохнута, и сейчас стюард ему об этом напомнит. Хотя, с другой стороны, другие тоже не покупали! По Закону о возвращении всем репатриантам полагается бесплатный билет в один конец. И право выбора еды у него такое же, как у всех. А он не любит рыбу! Ну не любит, и все! И ведь за такие деньги! Он опять одернул себя, понимая, что сейчас неловко говорить о деньгах.

Стюард никак не реагировал и выжидающе смотрел на него, явно не испытывая угрызений совести. Шура молчал. Стюард достал поднос, аккуратно поставил на Шурином столик и тут же исчез со своей тележкой за шторами, отделяющими салон от служебного помещения.

И тогда Шура стало страшно.

Предотъездные хлопоты помнились плохо, если не считать коробки с сервизом, которую он выбросил с балкона. Этому предшествовала длительная и бессмысленная ругань с мамой. Он раздражался, мама делала вид, что не замечает. Он попросил ее замолчать. Тогда она начала припоминать ему все его прегрешения, и он понял, что должен прекратить это сейчас, немедленно. У балкона стояла запакованная коробка с посудой, загораживала проход. Шура подошел к двери, механически нагнулся, поднял коробку и вышел на балкон. Мама даже не успела ахнуть.

Потом всю ночь ждали милицию, но никто не приехал. Хотя, с другой стороны, никто и не пострадал, слава богу. А остатки сервиза он быстренько собрал с асфальта, когда стемнело, и оттащил на помойку. Мама говорила, что, наверное, он прав и ему действительно надо ехать от греха подальше, иначе он тут таких дел наворочает, что в лучшем случае сядет, а в худшем – она даже думать не хочет.

Шура по привычке хотел объяснить, что это именно она довела его до такого поступка – неужели она этого не чувствует? Но накатило бессилие, и он так ничего ей не сказал.

В аэропорту Бен-Гурион, бывшем оплоте израильской военщины, было малоллюдно, но как-то суетно и беспокойно. Регулярные пассажиры быстро исчезали, а кучку репатриантов, довольно немногочисленную, попросили не расходиться и подождать куратора. Шура увидел в толпе толстую женщину с семьей, съевшую последних кур. Они о чем-то тихо и нервно переговаривались, а мальчик постоянно норовил отойти от группы. И тогда тетка кричала: «Слава, кому сказали!», и мальчик так же молча возвращался на место. Вид у всего семейства был непрезентабельный, и Шура стало неловко от своей причастности к единой с ними миссии. Он вспомнил слова Борцова: «Едет одна Жмеринка!» Шура тогда спорил, распалялся, называл фамилии отъехавших москвичей, очень достойных товарищей. Борцов сказал: «Жмеринка все равно больше».

Шура начал выглядывать в толпе москвичей. Москвич москвича не может не узнать. Взгляд выдает. Но именно взгляд поймать не удавалось. Все смотрели в сторону и подчеркнуто не замечали друг друга. Подошла девушка. Что-то пробормотала по-английски и указала рукой в сторону коридора. Вся толпа посеменила за ней. Шура опять оказался в хвосте, и его это расстроило. Но не будет же он расталкивать локтями всю эту Жмеринку! Уже приехали, обратно не отправят.

За окошком, похожим на банковское, бабушка лет девяноста пяти долго его разглядывала и лукаво улыбалась. Как всегда, остановились на фамилии:

– Ботаник?.. Ваш папа не из Черновцов?

Она говорила по-русски правильно, но с легким акцентом.

Шура возмутился:

- Почему из Черновцов? Из Москвы. Он умер.
- А мама умерла?
- Нет, почему? Она тоже скоро приедет.
- А почему же не вместе?
- Мама должна устроить все с квартирой.
- А мама из Черновцов?
- Да почему же из Черновцов?! У нас все москвичи.
- Ваша фамилия из Черновцов.

Шура терял терпение:

- У нас в семье никого не было из Черновцов. Мой дед родился в Белоруссии.
- А как его звали?

Шура ответил. Бабушка все записывала, ловко двигая рукой справа налево. Потом она надолго замолчала, но писать не перестала. Шура даже забеспокоился. Зря он с ней пререкался. Теперь еще затормозит его на чем-нибудь. А его там Лида ждет. Неудобно. И так уже два часа тут топчутся. Он решил подлизаться к старушке:

- А вы приехали из России?

Она не реагировала, продолжая что-то писать.

Он заволновался:

- Я имею в виду, по-русски хорошо говорите...
- Да, из Польши.
- Понятно.

Гуманная страна, ничего не скажешь. Даже маразматиков трудоустраивают. Что уж тогда говорить о молодых? А еще рассказывали, что в Израиле с работой плохо. Никого нельзя слушать. Если решил, надо делать. И у Шуры поднялось настроение. Бабушка тем временем спросила:

- А как зовут маму вашей мамы?

Он ответил.

- Вы ее свидетельство о рождении привезли?

Шура рассмеялся:

- Ну что вы? Моя мама и то с трудом свое отыскала.
- А где оно?
- Вот же я вам дал.

Бабушка скользила глазами по тексту, написанному от руки:

- А тут не указано, какой национальности ее мама.

Шура развел руками:

– Ну, уж извините. Тогда такие выдавали. Она ничего не меняла. Вы же просили оригинал.

Старушка кивнула. Посмотрела на Шуру и лукаво улыбнулась:

- А она еврейка?

– Кто, мама? Конечно!

Он начинал нервничать.

- Нет, ее мама...

– У нас в роду все евреи.

- А откуда она?

– Бабушка? Она откуда-то из украинского местечка.

Старушка обрадовалась:

- А вот это она, наверное, из Черновцов.

В этот раз он сдержал себя, ничего не ответил. Вдруг остро захотелось домой, в свою квартиру. Но он вспомнил, что обещал себе держаться и не пускать эмоции в мыслительный процесс. Надо все посмотреть, взвесить, а вернуться он всегда успеет. Хотя это будет очень смешно после всех этих сборов и проводов возвращаться. Да и что сейчас думать о возвращении? Не станет же он судить о стране по этой столетней бабке?

Она протянула ему какой-то квиточек, показала на дверь справа:

– Сделайте фото.

– Да, спасибо большое.

Он вскочил и метнулся к двери. Чуть не столкнулся с лысым очкариком из его же группы. Тот как раз выходил из комнаты, где фотографировали. Шура зачем-то пошутил:

– Вы тоже портрет делали?

Очкарик глянул на него неприязненно и прошел мимо. Шура чертыхнулся: вот кто его за язык тянул?

Дальше все пошло веселее. Шура даже не заметил, как у него в руках оказалась маленькая синяя книжечка с его фотографией и многозначным номером. Все придирчиво разглядывали свои, такие же. Сзади его толкнул какой-то парень с татуировкой на руке в виде горящего факела и шепотом спросил:

– Вас кем записали?

Шура еще раз взгляделся в записи. Вопрос был сложный. Там не было ни намека на латинский шрифт.

– А где это написано?

Парень заглянул в его книжицу и указал на строчку, вторую снизу. Шура рассмеялся:

– Вы меня спрашиваете?

Парень бесцеремонно выхватил документ. Произнес завистливо:

– Еврей вы!

– Что вы говорите? А вы?

Парень поклонился. И было в этом поклоне что-то обидное, до боли знакомое, и получалось, что Шура опять кого-то объегорил, пролез туда, куда честным людям путь закрыт. То есть все как всегда. Только в обстановке Тель-Авивского аэропорта парень не мог так же открыто рассказать ему всю правду о нем и ему подобных. Шура смутился, попытался загладить вину:

– А как вы определили?

– Вон тут видишь запятая сзади слова?

– Такая вроде апострофа...

Парень разозлился:

– Запятая, говорю! Только не внизу слова, а наверху. У них все тут. через.

Парень осекся, решив, видимо, не продолжать. Но мысль была ясна. Шура предпринял новую попытку реабилитироваться:

– Может, вы и имя мое можете прочесть?

– Может, и могу. А ты что имени своего не знаешь? – И парень заржал.

Шура тоже согласно захихикал:

– Действительно! Александр, можно Шура.

Парень подозрительно прищурился:

– А фамилия?

Шура смутился:

– Ботаник...

Собеседник нехорошо улыбнулся. Произнес медленно:

– Понятно.

Шура решил не замечать подтекста. Заставил себя перейти на «ты»:

– Ну, а ты?

– А что я? У нас попроще? Приходько Паша.

Шура подумал, что даже на этой «своей» территории он боится задать собеседнику сакраментальный вопрос: а что же вы, такие простые, тут делаете с нами, такими сложными? Чудеса. Для чего, спрашивается, ехал? Шура решил, что об этом надо обязательно подумать и что теперь времени будет предостаточно. Из толпы вышла женщина в длинной вязаной кофте:

– Или есть тут кто-нибудь из Днепропетровска?

Отклика не последовало. Женщина еще немножко поозиралась и вернулась на прежнее место.

Паша мрачно спросил:

– Курить пойдешь?

Пока курили, Шура не выдержал и поинтересовался:

– А тебя кем записали?

– Кем? Кем? Никем.

Помолчали. Паша, видимо, почувствовал неловкость и достал из кармана синюю книжку:

– Гляди сюда! Видишь точек много, ну, вместо слова.

– Ну.... И что это?

– А то, что я никто!

Оказалось, что Паша Приходько был куда лучше осведомлен о местных нравах и обычаях. Шура даже стало неудобно. Самое главное, как выяснилось, было пройти вот эту первую регистрацию и получить правильную национальность. Удавалось это не всем, хотя люди готовились загодя. Паша, например, на всякий случай за большие деньги сделал у себя в Пензе странный документ, из которого следовало, что его мать изначально была еврейка. Но деду с бабкой исключительно из опасений за дочкину судьбу удалось сварганить другое, правильное свидетельство о рождении, где их дочь оказалась чисто русской. Паша понимал, что здесь не дураки сидят, и этот еврейский документ показал, как козырь в рукаве, с объяснениями предыстории. А вдруг пройдет? Но не прошло. И теперь он человек без национальности, так как на деле папа украинец, а мама русская. По местным законам – никто.

– А кто ж у тебя еврей?

– Жена.

– А где она?

Паша поискал глазами и указал на угрюмую женщину, жадно курящую у соседней колонны.

– А. И дети есть?

– Щас! Размечтался.

Как выяснилось, детей нет и быть не могло, так как брак у них фиктивный, фиктивной некуда, и Паша даже подозревает, что супруга его девочка, ибо не один нормальный мужик на такое чудо не позарится.

– Заплатил ей, что ли?

– Щас! Я что, олигарх? Сердобольная, блин!

Все было странно и даже как-то нереально.

Какая-то игра, которой не было конца и в которой каждый новый эпизод был абсурднее предыдущего. Шура захотелось как можно скорее освободиться от собеседника, вырваться на свободу, туда, где есть адекватные люди, с которыми не надо продумывать каждое слово в предложении. Он поймал себя на том, что, по сути, не он опасается выпадов собеседника, а сам боится его обидеть. Это было такое новое и непривычное чувство, казалось бы, благодатное и долгожданное. Но почему-то вместо радости находило уныние.

Улица накрыла жарким глицериновым облаком, так, будто тебя неожиданно кинули из проруби в сауну. При этом многие были одеты в куртки или толстые свитера. Мимо прошли две женщины в строгих мусульманских одеждах. В такси загружалась многодетная семья евреев-ортодоксов. Мужчины – в черных атласных кафтанах, рейтузах и собольих шапках, женщины – в длинных юбках образца девятнадцатого века. Никто ни на кого не обращал внимания. Шура попытался найти в толпе бывших попутчиков, но они все куда-то разбрелись. И тут он увидел Лиду. Она бежала к нему, уворачиваясь от багажных тележек, и интенсивно махала рукой. Шура заулыбался. Поставил сумки на землю, чтобы освободить руки для объятий. Но Лида, не поздоровавшись, схватила одну из его сумок и, проталкиваясь сквозь толпу, побежала в обратном направлении. Бросила на ходу:

– Там Боря на стоянке ждет. Уже полтора часа.

Шура почувствовал неловкость:

– Да я сам волновался! Бардак какой-то...

– Давай не отставай!

Боря, муж Лиды, стоял у открытого багажника белого «нисана». Лида закричала:

– Ну, что ты сюда выехал?

– Да меня уже туранули оттуда! Давай, давай, садимся быстренько.

Когда выехали на дорогу, обстановка немного разрядилась. Лида обернулась с переднего сиденья:

– Ну, дай я на тебя гляну! – Покосилась на мужа: – А ты на дорогу смотри. Мало нам аварий. Насмотришься еще.

Шура вымученно улыбнулся. Он не хотел стать причиной семейной ссоры.

Боря спросил:

– Как доехал-то?

– Да нормально.

– Сколько денег дали?

И только теперь Шура вспомнил, что в аэропорту ему выдали целую пачку денег. Бумажки были разноцветные, веселенькие, как будто ненастоящие, что подтверждала та легкость, с которой их раздавали каждому прибывшему.

– Да я даже не считал.

Лида всплеснула руками:

– Ну, ты даешь! Значит, слушай сюда. Ты эти московские штучки брось, тут не Москва. Тут деньги считают. Иначе без штанов останешься. Ну-ка, доставай!

Шура начал судорожно выковыривать пачку из кармана. Деньги не вынимались. Он попытался привстать, стукнулся головой о потолок салона, нагнулся на правый бок, удачно ухватился за край, и пачка вылезла.

– Нет, ты посмотри, Борь! Во, пижон! Он деньги в кармане носит. У тебя что, кошелек нет?

Шура смущенно улыбнулся:

– Есть где-то...

Лида перехватила купюры и два раза пересчитала:

– Полторы.

– Чего?

– Тысячи. Чего.

Они с Борей начали о чем-то спорить, перебивая друг друга..

– Я тебе говорю, нам две дали. Сереня не считался.

– Ты мне будешь говорить?! Две на пару и пятьсот на ребенка. Я же помню!

– А я что не помню?!

– Я не знаю, что ты помнишь! Зарайским столько же дали. Мы еще говорили, что у них двое.

– В том-то и дело, что двое. На пятьсот больше.

Шура попытался вклиниться, но его не слышали, пока оба не остановились самостоятельно, как по команде.

Лида сказала:

– В общем, нормально, Шурик, тебе дали... Скоро, говорят, вообще ничего давать не будут. Главное, счет открывай в Леуми, понял? Только там. И не слушай всех этих уродов. Тебе тут такого наговорят.

– А где еще можно?

Лида разозлилась:

– Так, тебе есть разница, где еще можно?

– Нет.

– Ты хочешь нормально жить?

– Хочу.

– Значит, слушай, что тебе говорят.

– Я слушаю.

С Лидой они учились в одном классе, но никогда не дружили. Их мамы общались: пока учились в младших классах, просто здоровались, а к выпускному, когда остро встал вопрос поступления, как-то сблизились и попытались сблизить детей. Мотивация была отнюдь не романтическая: поступить нелегко, а их детям – вдвойне трудно. Они должны осознавать, что надо держаться друг друга. Шура не очень понимал, что будет, если держаться друг друга, однако больше его удивило мамино поведение, совсем нетипичное для нее. И удивило по двум причинам. Во-первых, в семье никогда не муссировался «еврейский вопрос» и его последствия, чего нельзя было сказать о Лидиной семье. Во-вторых, где МЭИ, а где педагогический, куда собиралась Лида. Почувствуйте разницу! Но оба поступили, что лишило их основной сцепки, и Лида пропала из его жизни на пятнадцать лет, пока он случайно не встретил ее в булочной около дома. Оказалось, что та давно живет на площади своего мужа, в другом конце Москвы. Лида изменилась не в лучшую сторону, что было вполне ожидаемо. Как женщину, Шура никогда ее не воспринимал. В то же время в ней исчезла неуверенность. Из стеснительной неуклюжей девочки она превратилась в громкоголосую женщину, которая знает, что почем в этой жизни, и может постоять за себя. С удовольствием рассказав о своем муже и малолетнем сыне, «который может все», она попросила Шуриного телефон. Шура жил в той же квартире, с тем же телефоном, только прибавилась его семья.

– Да ты что? Как же можно с мамой жить? Этого же нельзя делать! Это ж каждый ребенок знает!

Шура развел руками: мол, не всегда получается как нужно.

– Куда ж твоя жена смотрит?

Шура рассмеялся:

– Не знаю. Налево, наверно.

Сам-то он понимал, что смотрят они в одну сторону и будут смотреть всегда, до самой смерти, но не рассказывать же о Марине какой-то посторонней бабе, которая к тому же и не слышит, что ей говорят.

– А что ты с работой думаешь?

Шура вздрогнул и вначале не понял, о чем его спрашивают.

– Трудно сказать. Говорят, моя специальность востребована.

Супруги переглянулись. Лида сказала строго:

– Кто говорит?

– Ну, я не знаю... Алика помнишь?

– Какого Алика?

– Ну, Семерова... Он на класс старше учился.

– Ну?

– Он недавно в Москву приезжал. Его Борцов в метро встретил. Ну, решили собраться.

Он сказал, как раз оптики здесь очень даже.

Лида смотрела на него, не мигая:

– Ты сам-то слышишь, что говоришь?

Шура смутился:

– Ну Алик тут уже с девяносто третьего. В Иерусалиме живет. И работает по специальности. В какой-то компании здоровой.

– Так. Ты мне будешь рассказывать о каком-то Алике?

Шура виновато улыбнулся, пожал плечами.

– Вот не надо этого. Ты знаешь, сколько Боря тут устраивался?

Шура не знал.

– А он тоже не дурак, не хуже Алика твоего. – Лида внимательно посмотрела на мужа: – Может, Аркашку спросить?

– А что Аркашка? Аркашка тоже не волшебник.

– Ну, насчет шомера.

Борис задумался. Шура мучительно соображал, как бы так вклиниться с вопросом и при этом не обидеть супругов и не сморозить явную глупость.

Боря вяло произнес:

– Можно, конечно... Но у них там сейчас не лучшее время.

– Борь, ну не ленись, позвони прямо сейчас, а?

Боря нажал на что-то, и в салоне автомобиля раздались громкие гудки, и только тогда Шура заметил телефонный аппарат, прикрепленный к передней панели справа от руля. Поспешно восхитился:

– Техника!

– Ой, а у вас там еще нет пелефонов?

В Лидином голосе сквозила подчеркнутая небрежность, но Шуру гораздо больше озадачило то, что она уже забыла такое, казалось бы, простое слово, как телефон. Он переспросил:

– Телефонов?

– Пелефонов, ну мобильных!

Шура приободрился:

– Ну, почему? У кого-то есть. У избранных. Но такие в Израиль не едут.

Тем временем в трубке ответили. Боря перекинулся с собеседником парой ничего не значащих фраз, а потом они перешли к делу, так как в речи, в целом русской, стало мелькать ключевое слово «шомер», значение которого так волновало Шуру и о котором он не решался спросить.

– Все, бэседер, давай, отец солдатки! Бай, давай, бай! – Боря нажал кнопку отбоя и заговорил, глядя в зеркало заднего обзора: – Ну, что я могу сказать? Повезло тебе, путешественник. В ем ришон прямо к Аркашке, это на Ремез, обещал помочь.

– Во что?

– Не во что, а когда. В ем ришон, в воскресенье, по-вашему.

– А он даже в воскресенье работает?

– Тут все в воскресенье работают. Это Израиль.

Шура благодарно улыбнулся. Вышло немного криво, и Шура поспешно почесал правую бровь:

- Спасибо, Борь! С меня бутылка.
- Боря презрительно фыркнул:
- Нашел чем удивить. Чай, не в совке живем.

Фира сидела прямо, аккуратно накалывала вилкой крошечные кусочки салата оливье и молниеносно отправляла их в маленький ротик. Волосы у нее были ярко-рыжие, коротко стриженные, на руках – малиновый маникюр. Иногда она делала перерывы, откладывая вилку и начинала рассказывать что-то без начала и конца. Шура заинтересованно кивал, но мысли все время возвращались к Лиде, ее мужу, к тому, как его встретили. Все-таки не мог он избавиться от обиды, все понимал, а не мог. Кто ему Лида, в конце концов? Да никто. Так что спасибо, что вообще встретила. И все-таки... Даже домой не пригласили, сразу привезли к какой-то бабке, которую он знать не знает, да и не очень хочет, но которая теперь будет его квартирной хозяйкой. А то у него жилья нет! Он мысленно представил свою квартиру в Москве. Неужели они все забыли? Как сами приезжали, какой культурный шок испытали, как в этот момент необходимо присутствие хоть кого-то мало-мальски знакомого. В принципе, вся программа была ему известна заранее. Лида позвонила за два дня до отъезда и сообщила, что нашла ему временное жилье, очень приличное. Пенсионерка, тихая старушка, ищет жильца в свою двухкомнатную квартиру. Пенсия у нее маленькая, хотя, конечно, с Союзом не сравнить, но все-таки хочется иногда себя побаловать. Сам понимаешь! Шура напомнил, что Союза уже давно нет, но Лида никак не отреагировала на шутку. Как легко он шутил всего три дня назад. Сейчас ему это представлялось невероятным. Лида сказала: «Поживешь пару месяцев, найдешь работу и снимешь себе квартиру».

Он посмотрел на Фиру. Она как раз прожевала очередной кусочек и готовилась к продолжению рассказа. Пару месяцев! Как же выдержать эту пару месяцев?

– Шура, вы ничего не едите.

– Ой, спасибо... Я ем... Знаете, в самолете всю дорогу кормили, как будто в голодную страну едем.

Он громко рассмеялся, а Фира вежливо улыбнулась:

– Вы, наверное, устали? Спать вы будете в спальне. Пока.

– А потом где?

– А потом мы решим. Если вы на работу пойдете. Знаете, я иногда сплю плохо, а потом утром засыпаю. Так вот, чтобы вы меня не будили, я перейду в спальню, а вы будете в салоне. Бэсэдэр?

– Бэсэдэр.

Это первое произнесенное им самим слово на иврите неожиданно его приободрило, и он подумал, что все еще может быть очень даже ничего и никогда не надо бояться нового и идти вперед. Только не раскисать.

Как оказалось, постель Фира застелила заранее. Она поочередно поднимала одеяло, проглаживала рукой подушку, комментируя при этом, что это, мол, одеяло в пододеяльнике, а это подушка в наволочке. Шура понимающе кивал.

В комнате было темно, не так, как бывает в Москве ночью, когда глаза привыкают к темноте и различимы все контуры предметов, а сама темнота не черная, а темно-коричневая. Здесь темнота была черная, без оттенков, без светлых вкраплений. В голову пришло дурацкое название чего-то, кажется какого-то фильма: «В городе Сочи темные ночи». А что, чем не Сочи, тоже юг. Вот приехал отдохнуть, здоровье поправить. Шура вспомнил, что на юге действительно ночи темнее. Значит, все сходится. В Сочи он бывал не раз, но тогда темнота ночи его почему-то не волновала. Он тихо встал и сделал несколько шагов в сторону этажерки, которую заметил еще при свете. Этажерка была образца восьмисот двенадцатого года. Видно, вещь была фамильная, и бабушка привезла ее из Союза. Он пошарил на полке и

нащупал телефонный аппарат, неожиданно контрастирующий своей современностью с антикварной обстановкой комнаты. Порядок набора номера при международной связи он выяснил заранее и выучил наизусть. К телефону долго не подходили. Когда раздался голос, он понял, что Марина не спала и звонку обрадовалась. Куда-то пропавший собственный голос вернулся, и даже комната стала светлее.

– Это я. Ты не спишь?

– Шурака! Ты долетел?

– Ага. Привет тебе со Святой земли.

Она рассмеялась:

– У тебя уже и говор появился соответствующий... Ну, все нормально?

– Да вроде бы.

– Лида встретила?

– Да, все по плану.

– Ты у нее?

– Да, почти.

Марина замолчала, и он знал, что она почувствовала его неловкость. Он зашептал в трубку:

– Тут бабулька... Ну это отдельный разговор... Короче, снимаю угол, как Раскольников.

Она опять ответила не сразу, а когда ответила, голос был уже чужой:

– Ну, замечательно.

– Да, уж лучше некуда.

– Шур, ты сделал, что хотел, и это главное.

– А что мне оставалось делать?

– Так, не начинай, ладно? Ты можешь хотя бы там расслабиться и попробовать пожить для себя?

Он как будто этого и ждал, хотя хорошо помнил, что категорически не собирался ссориться.

– Пожить для себя? Это ты у нас специалист.

– Так давай, уже поздно. Тебе удачи на новом месте. Целую.

– Марина!!!

Но она уже повесила трубку. Только сейчас он заметил силуэт в дверном проеме. Если она его сейчас выгонит, он поедет в аэропорт, купит билет и улетит в Москву.

– Шура, что у вас случилось? Вы бэсэдэр?

– Я очень извиняюсь, я оплачу счет.

Вспыхнул свет. Он зажмурился. Медленно открыл глаза: перед ним стояла совершенно чужая старуха в розовой ночной рубашке с зайчиками, а сам он сидел в совершенно чужой комнате, от которой не веяло запахом жилья. Вот сейчас она ему скажет, а он ей ответит...

– Вы в Москву звонили?

– Я же сказал, я оплачу свой разговор.

– Да, успокойтесь вы уже, честное слово. Оплатите, ей-богу! Я тут прямо через вас обедею.

Шура молчал, не зная, как реагировать. Скандала не получалось, и было обидно.

– У вас прервалось, что ли? Так еще наберите. Вы с женой говорили?

– С женой.

– Так набирайте опять, что вы как маленький!

Почему-то это ее последнее предложение подействовало на Шуру парадоксально, и он заплакал. Фира подскочила к нему, присела на кончик дивана. При этом ее рубашка задрапалась, и Шура поспешно отвернулся. Она дотронулась до его макушки и неуклюже провела рукой по волосам:

– Ну, что же это такое? Взрослый мужчина, а так расстраивается из-за жены. Так же нельзя, честное слово.

– Вы извините, я вам спать не даю...

– Ой, тоже мне! А то я не высплюсь! Вы вот прилягте. Да... Вот так. Я пойду чайку согрею. Сейчас сюда принесу.

Только теперь Шура почувствовал, что в квартире холодно. После того как днем шпарило солнце, это было очень странно. Он подумал, что еще ни разу не посмотрел на улицу из окна – как-то не хотелось.

Фира вошла с высокой бежевой кружкой, на которой было нарисовано сердечко и написано что-то на иврите. Снизу она поддерживала ее вязаной салфеточкой. Аккуратно поставила кружку на этажерку:

– Пусть остынет. Шура, ваша фамилия Ботаник?

– Так точно. Только я не из Черновцов.

– А почему вы должны быть из Черновцов? В Черновцах Ботаников нет.

– Да? А мне сказали, что есть.

Фира посуровела:

– Кто вам такую глупость сказал?

– Да сегодня, когда оформление в аэропорту проходили. Служащая сказала, что, мол, все у меня из Черновцов.

– Вот я завтра вам покажу людей из Черновцов. Там близко таких нет.

Получалось, что представители этого славного города обладали какими-то специфическими вторичными признаками, по которым их ни с кем не спутаешь. Шура рассмеялся, но Фира не поделила его веселья:

– Опять вы занервничали.

– Да нет, что вы. Я уже успокоился. Чай такой вкусный.

– Ну и на здоровье.

Фира уселась поудобнее:

– Ну, что, спать будем?

Он вдруг испугался, что она сейчас уйдет, а он останется со своим прерванным разговором, пустой темной комнатой и неизбежностью новых воспоминаний. Что-то, видно, она заметила или почувствовала каким-то особенным чутьем, которого он от нее никак не ожидал.

– А вот эта ваша жена, она кто?

– Марина. У меня и сын есть. Гриша.

– Что вы говорите? А сколько лет?

– Шестнадцать.

– Что вы говорите?

Она хотела что-то сказать, но споткнулась и задумалась. Он ответил сам на предполагаемый вопрос:

– Мы в прошлом году развелись.

Жизнь до Марины Шура помнил плохо. Иногда ему казалось, что и жизни как таковой не было, а так, приготовление к ней. Он даже пытался восстановить тот период, и по всему выходило, что жизнь его была радостной, но он знал это, а не чувствовал. Вот он гуляет по парку с отцом, и тот пересказывает ему какую-то книгу, и Шура счастлив, и кажется, что так будет всегда, но теперь это воспоминание никак не волнует, а существует как факт, очень приятный, но такой незначительный по сравнению с тем, что случилось после.

С Мариной они познакомились возле Театра на Таганке. Шура стоял в толпе в глубокой задумчивости и решал неожиданную проблему. У них с Борцовым был назначен поход в

театр. Шел 84-й год, с билетами на Таганку было непросто, а Борцов достал. Ни в какую не хотел раскалываться, как ему это удалось, многозначительно улыбался, хихикал. Шура подозревал, что никакой особой тайны там нет, что тот, как обычно, щеки раздувает. Но он привык подыгрывать Борцову, на этом, пожалуй, строились их отношения, но и того и другого это устраивало.

Нельзя сказать, что Шура так страстно мечтал попасть на «Мастера и Маргариту», во всяком случае, сам бы он пробивать этот поход не стал, но, когда Борцов предложил, долго не мог поверить, что он скоро вступит в ряды избранных, людей «нашего круга».

Борцов позвонил перед самым выходом и сообщил, что у него исключительной важности обстоятельства и пойти он не может. Шура даже не поверил сначала. Абсурдность ситуации усиливал тот факт, что билеты поделили заранее, на всякий случай. И вот этот случай настал. Теперь борцовский билет пропал, и Шуру взбесило, что тот никакой вины за собой не чувствует.

В первый момент он решил остаться дома и ощутил даже некоторое облегчение. Как-то это не по-мужски одному ходить в театр... Но, Таганка...

Опомнился в метро, начал спешно разрабатывать тактику дальнейших действий.

У входа в театр в броуновском движении сновали люди. В основном это были девицы от семнадцати и выше, пришедшие парами. Иногда они сталкивались, обменивались ключевыми словами и вновь разбегались в разные стороны. Как бы было здорово сейчас иметь второй билет, но разве Борцов когда-нибудь думал о ком-то, кроме себя. Неожиданно нахлынули все обиды, накопившиеся со школьных времен, и в этот момент он уже не понимал, на чем зиждется их дружба, такая долгая и такая необъяснимая.

Марина подошла к нему сама, деловито поинтересовалась наличием лишнего билета. Шура подумал, что она, наверное, уже десятая, подошедшая с аналогичным вопросом. Он достал билет и протянул девушке, она быстро вытасила кошелек, расплатилась и исчезла.

– А еще нету?

Его окружала толпа, каждый норовил протиснуться поближе и крикнуть погромче. Он сказал твердо:

– А еще нету.

– А может, есть?

– Девушки, я что, похож на спекулянта?

Толпа уныло разбредалась, хотя он чувствовал некоторое напряжение, висящее в воздухе. Каждую минуту кто-то подозрительно оглядывался. Он стоял и не уходил. Ему еще раз пятнадцать задали тот же вопрос, пристально заглядывая в глаза.

Когда толпа рассосалась, он посмотрел на часы. Было двадцать минут восьмого. Спектакль начался. Надо было заходить в метро, но он почему-то завернул за угол и побрел в сторону Ульяновской улицы. Там он бывал часто, так как на этой улице жил его однокурсник, Веня Волочилов. Они приятельствовали. Веня жил один, на квартире, доставшейся ему от бабушки. Часто звал в гости, и Шура с удовольствием у него бывал. Там всегда был бардак, заходили какие-то странные люди, не было предков, и была свобода. И вообще Веня был человеком крайне необременительным, к нему можно было прийти в любое время и так же уйти, не давая никаких объяснений.

Шура уже десять минут звонил в дверь, но никто не откликнулся. Он сделал несколько кругов вокруг дома и зашел опять. Это был тот редкий случай, когда Вени не было дома.

Опомнился, когда часы показывали 9:15. Добежал до театра за восемь минут. Стоял испуганный и потный. Было не совсем понятно, то ли спектакль еще идет, то ли люди уже разошлись. В холле было светло, но пусто. Он заставлял себя смотреть на часы не чаще, чем раз в пять минут. Для этого считал пять раз по шестьдесят. Иногда сбивался, выдергивал руку из кармана, судорожно всматривался в циферблат.

Первые зрители показались в начале одиннадцатого. Выходили молча. Шура боялся пропустить девушку, но еще больше – того, что он ей скажет. Марину он узнал тут же по какому-то просветленному выражению лица. Таких лиц не было ни у кого. И она как будто бы не удивилась встрече. Начала благодарить, он почему-то церемонно прижал руку к груди и поклонился.

– Вы знаете, я такого никогда в жизни не видела! Вам обязательно, обязательно надо сходить!

Шура попытался состроить снисходительную улыбку, мол, какие проблемы, всегда успею. При этом он судорожно соображал, как же перейти к следующему этапу так, чтобы девушка не дай бог не подумала, что он требует благодарности за оказанную услугу.

– А знаете, я не просто так вернулся!

– А вы вернулись?

Реакция несколько обескуражила.

– А вы думаете, я тут три часа круги наматывал?

– Я, честно говоря, ничего не думаю.

В ее голосе почувствовалось раздражение.

– Вы, наверное, удивитесь, но я хотел бы вас проводить.

Она рассмеялась, и они пошли через дорогу к метро. В поезде напряженно молчали, и Шура казалось, что она вот-вот попрощается и выйдет. Он попытался расспросить о спектакле, но она сказала, что такое не пересказывают, что это надо увидеть самому. Он поспешно согласился. У самого подъезда он быстро попросил телефон, она так же быстро продиктовала, и они распрощались.

Шура был недоволен собой, но и немного разочарован, оттого что девушка не спросила, почему он продал ей билет. Было обидно, что она даже не попыталась оценить его поступка.

Утром разбудило солнце. Очень яркое, оно больно било по глазам, пробиваясь в тонкие щели жалюзи. Он хотел встать, чтобы замкнуть жалюзи, но почувствовал страшный холод. Мороз и солнце... Как же они тут живут без отопления! Встать удалось только с третьей попытки. Он быстро натянул спортивные штаны и свитер и выскочил в коридор. Пока сидел в туалете, прислушивался. Из комнаты, которую Фира называла салоном, доносился голос диктора. Диктор определенно вещал на русском языке, но было не совсем ясно, радио это или телевизор. Все-таки добрая она бабка, сопереживающая. Как вчера его слушала. Он уже забыл, кто в Москве последний раз так его слушал. Да ему бы и в голову не пришло разразиться перед кем-либо таким длинным монологом. И правда, что он так разболтался? В комнате он начал разбирать чемодан, но потом подумал, что неудобно, что надо бы выйти, поздороваться с бабкой, оказать уважение.

Фира сидела на диване и смотрела новости. На Шурино приветствие откликнулась неожиданно сухо:

– Вы что завтракать будете?

– Ну, я не знаю.

– У меня есть чай и есть немного кофе.

– Чай, если можно... Ой, а давайте я сам возьму!

Шура чувствовал, что в чем-то провинился, но пока не мог понять в чем.

– Сами вы пока не будете брать, потому что еще не умеете.

Шура кивнул и поплелся за ней на кухню.

– Вы ведь можете захотеть вторую чашку?

Шура хотел ответить, но как-то сразу не нашелся. Фира вытащила из коробки пакетик чая и положила в большую кружку цвета беж, которую он уже видел ночью. Залила кипятком. Во всех ее движениях чувствовалась основательность.

– Но даже если вы не захотите, я найду, как его использовать.

– Кого?

– Пакетик...

Она поболтала пакетиком в кружке и осторожно переложила в маленькое прозрачное блюдце.

– Что вы на меня так смотрите, пакетик чистый. Если вы не захотите, может, я потом захочу.

Шура согласно закивал. Она отнесла кружку в салон, вернулась на кухню и вынесла вазочку с печеньем.

Чай был горячим и Шура решил подождать. Сидел молча, боясь пошевелиться. Фира чем-то гремела на кухне.

– Шура, вы гречневую кашу будете?

– Нет, спасибо.

– Ну, если потом захотите, скажете.

– Да, конечно.

Он прихлебывал чай, а она опять села рядом и включила телевизор. Шура пригляделся и понял, что это российские новости и канал российский, первый. Фира неожиданно заговорила:

– Вы меня конечно извините, но вот вы в туалет ходили и воду спускали...

Его прожгла страшная догадка, что он забыл спустить воду. А она могла подумать, что он всегда так делает. Но тут он вспомнил, что воду точно спускал, он еще ручку разглядывал.

– Я спускал.

– Я знаю, что спускали. три раза.

Старушка была явно не в себе, и надо было как-то пошутить, чтобы перевести разговор на другую тему, но он не успел.

– А зачем?

– А что, в Израиле воду не спускают?

– Как раз в Израиле воду спускают. Но один раз.

– Это что, традиция такая?

– Это не традиция. В Израиле экономно относятся к воде. Шура, бачок у меня хорошо работает, одного раза вполне достаточно. А все остальное – баловство. Вы просто делаете это, не думая. Привычка такая. Дурацкая. Так что давайте сразу с этой привычкой расставаться.

– Давайте.

– Все я сказала, и больше мы к этому разговору не возвращаемся. Так будете гречневую кашу?

– Нет, спасибо. Я по утрам совсем не голодный.

Она унесла его чашку и вазочку с печеньем. Попросила посуду пока самому не мыть. Сейчас он уставший, а со временем она ему покажет, как здесь моют посуду.

Он опять сидел в комнате и тупо смотрел в просветы между жалюзи. На улицу почему-то выходить было страшно. За окном шла чужая жизнь, а в нее лучше погружаться постепенно. Интересно, сколько может продолжаться эта игра? А что там, дома, не игра? Раз он уехал, значит, там ему было невыносимо. Он не должен это забывать. Легче всего сразу сдаться и вернуться всем на осмеяние. Да и мама уже начала оформление. От этой мысли стало совсем тошно, хотелось зажмуриться и не знать, не думать о том, где он, зачем и на сколько.

В двенадцать надо быть в ульпане, на собрании новой группы.

Шура вышел покурить и наткнулся на толстого Сему. Сема загораживал проход, все выходящие толкали его, а он шумно пыхтел, но с места не сдвигался. Шура почувствовал раздражение и решил сделать Семе замечание. Обычно после он всегда жалел, что не сдержался, но сегодня что-то не получалось остановиться.

– Ты что, не видишь, что люди выходят?

Сема смотрел на него мутными глазами, но взгляд был невидящим, и это еще больше распалило Шуру.

– Ты чего уже по-русски не понимаешь?

Сема шумно вздохнул и помахал газетой, которую мял в руках:

– Вот зачитался...

– Чего пишут?

– Тут это, завтра в нашем ульпане собрание предпринимателей.

– Чего предпринимать будут?

– Специалист будет по открытию бизнесов в Израиле.

– А ты бизнес решил открыть?

Сема пожал плечами и затянулся сигаретой:

– Интересно...

Шла вторая неделя в ульпане. Сегодня разучивали песню. Вначале Яэль, как обычно, долго писала слова на доске, а потом сама же их повторяла вслух. Ей невпопад вторил хор учащихся. Проблема состояла в том, что срисовать письма с доски еще можно было, но прочитать срисованное уже не получалось. Шура даже попытался устроить диспут о целесообразности копирования буковок с доски. Это случилось на третий день учебы. Тогда еще был запал, и хотелось блеснуть своим английским. Яэль что-то долго объясняла в ответ, никто, кроме Шуры, все равно ничего не понял, но смотрели на оппонентов уважительно. Смысл объяснения сводился к тому, что по-другому нельзя: надо срисовывать, а потом учить. Как учить, если прочитать не можешь? Лиат, лиат... (потихоньку). Это был типичный израильский ответ, который Шуру особенно бесил. Впрочем, не меньше раздражали выражения «савланут» (терпение) и «ийе бэсэдэр» (будет хорошо). Поначалу он даже выдвигал аргументы типа, почему он должен терпеть, а также что хорошо не будет, а, наоборот, будет плохо, и это ясно даже ребенку, и непонятно, на кого эти заявления рассчитаны.

Песня была патриотическая. После пятого повтора под гармонь Шуру захватила странная волна умиления, откуда-то взялись силы и понимание происходящего. Все-таки эти израильтяне другие, они не циничны, у них не утрачено чувство родины, и это не подвергается ни обсуждению, ни осмеянию. И он, Шура, тоже, оказывается, принадлежит этой земле, и если бы он не приехал, то никогда бы этого не почувствовал. Тут стоило подумать. Он с трудом дождался вечера, втайне радуясь, что чувство это никуда не улетучилось, и ровно в восемь позвонил Лиде. Раньше восьми было рекомендовано не звонить. Все работают, устают, потом домашние дела и всякое такое. Лида отреагировала вяло:

– А, поете? Ну-ну... Я эти песни со времен ульпана ни разу не слышала.

Перед сном он вспоминал прошедший день. Собственно, событий особых не было, а лишь медленно накапливался дефицит общения, который Шура пытался восполнить путем мысленного переливания из пустого в порожнее. А общаться действительно было не с кем. Даже Лида, которая по сравнению с его нынешними соучениками была гигантом мысли, ничего не поняла из того, что он ей пытался выразить. Хотя Лида есть Лида, радикально люди не меняются, это он точно знал. Ее посели хоть к евреям, хоть к папуасам, разницу не почувствует. Так что не надо расстраиваться и делать далекоидущих выводов. А что-то все-таки было в этих людях, да и в самой земле. В воздухе витало.

В салоне задребезжал телефон. Шура вскочил и помчался на звонок, чуть не сбросив при этом этажерку. Звонил Миша Гарин, новый приятель из его ульпанской группы:

– Слушай, деятьель! Ты когда себе пелефон купишь? Уже все шерочки с машерочками отоварились, а ты все жлобишься. Нехорошо.

Их учебная группа изобиловала сорокалетними мамами с семнадцатилетними дочками. Мамаы были смущенно-кокетливыми, а дочки чрезмерно говорливыми. При этом ходили они все всегда парами и представляли в совокупности настолько гремучую смесь, что после пяти минут вынужденного общения Шура отбегал без всяких извинений. Да они их и не требовали. Имена в паре тоже, как правило, были созвучными: Алла и Гала, Нела и Бэла... Миша Гарин дал им общее наименование «шерочки с машерочками».

Слово «пелефон» тоже стало для Шуры привычным, так как мобильника в русском варианте у него никогда раньше не было и отвыкать не пришлось. Только и здесь он никак не мог решиться приобрести аппарат. Ему казалось, что покупка пелефона станет символом необратимости местной жизни, и думать об этом было страшновато.

Он быстро оделся и вышел из дома. Миша стоял под окнами и разговаривал по пелефону. Шура подумал, что как-то у того легче проходит адаптация или он умело притворяется. Во всяком случае, Миша как будто радовался жизни, не рассуждая о том, жизнь это или ее иллюзия. Гарин был единственным нормальным человеком в их ульпанской группе. Родом он был Челябинска, там работал инженером на какой-то фирме из новых. Получал неплохо. Жена не работала, но в какой-то момент заболела идеей открыть частный детский садик. Когда все документы были собраны, Мишу неожиданно уволили. В принципе надо было просто очухаться и поискать что-либо в другой фирме, благо их развелось немерено. Но жену пронзила столь сильная обида, что она поначалу впала в ступор, а когда из него вышла, категорично заявила: «Мы уезжаем. Здесь нас никто никогда не оценит». Неожиданно для себя Миша поддался истерии. Документы были собраны в короткие сроки. Единственная заминка вышла с бабушками: обе отказались ехать. Но на тот момент ни у кого не было сил ни уговаривать их, ни поворачивать события вспять.

Они поздоровались за руку и пошли в сторону набережной. Вначале говорили ни о чем, а потом Миша спросил:

– Ты на собрание идешь?

– Какое собрание?

– Предпринимателей...

Шура остановился и внимательно посмотрел в лицо собеседнику:

– Ты чего, серьезно?

– Шутки кончились на предыдущей родине.

– Ты предприниматель?

– Пока нет, но буду. А вот мне интересно, что ты тут собираешься делать.

Шура задумался. Одно дело толстый Сема, а другое – Миша, человек разумный, на которого Шура возлагал особые надежды.

– Видишь ли, Шура. Ты, конечно мужик образованный, но чего-то недопонимаешь. Короче, не надо мне тут излагать, как тебя возьмут инженером-оптиком...

– А что, не возьмут?

– А даже если возьмут! И что дальше? Ну, тебя, конечно, начнут продвигать благодаря твоим глубоким знаниям предмета, а также английского языка. Потом ты станешь старшим инженером. или как тут у них называется. Но все это копейки, понимаешь, копейки!

– А ты откроешь бизнес и будешь зарабатывать миллионы.

Миша молчал, и Шура вдруг стало тревожно, оттого что он, возможно, чего-то не понимает, что приехал совершенно неподготовленный. И еще он наконец признался себе, что ни к чему не готовился специально. Он ставил эксперимент, эксперимент над собой. Иными

словами, он прыгнул воду с закрытыми глазами. А иначе бы не прыгнул. Потому что нужно было объяснить себе смысл прыжка, а на это сил не было.

Они шли вдоль набережной, но разговор уже не клеился. Был поздний час, но на улице было много народу, в основном подростков. Иногда их с разных сторон объезжали велосипедисты, прогуливались пенсионеры. Каждый двигался в своем направлении, никому ни до кого не было дела. Когда прощались, Шура зачем-то уточнил, в котором часу собрание.

В помещении было прохладно, хотя громко работал кондиционер. Помимо Шуры и Миши в комнате сидели еще четыре пенсионерки. Каждая из них была сама по себе, так как расположились они в разных углах помещения. Бизнесмены, ведущие собрание, шумно рассаживались в президиуме. Тот, который сел посередине, неожиданно вскочил и строго призвал собравшихся к порядку. Стало совсем тихо, лишь кондиционер, казалось, задрезжал еще пронзительнее. Шура разглядывал председателя собрания. Это был круглый мужичок маленького роста и неопределенного возраста, с расплывчатыми чертами лица. Мужчина постукал карандашом по парте и заговорил:

– Дорогие друзья! Вот я вижу новые лица и хочу поприветствовать в первую очередь их, наших новых репатриантов! Как говорится, удачной вам алии! И конечно же савланут, терпение!

Пенсионерки, которые явно присутствовали здесь не в первый раз, одобрительно закивали. Шура посмотрел на Гарина, но тот сидел с непроницаемым лицом.

После короткой вступительной речи, председатель написал на доске: 2000 год – и зачем-то взял цифры в кавычки. От цифр он провел две стрелочки вниз и глубоко задумался. Дальше дело пошло быстрее. Под первой стрелочкой появились слова «малый бизнес», под второй «средний бизнес».

– Нам с вами понятно, что к крупному бизнесу без подготовки приступать не следует. В его словах слышалась нота снисходительного превосходства.

– А скажите-ка мне, у кого из присутствующих был бизнес в России, ну или там на Украине?

Присутствующие молчали, но это не смутило выступавшего.

– А вы знаете, может, это даже и хорошо! И знаете почему? Да потому что в Израиле совсем другие методы ведения бизнеса, чем в России, ну или там на Украине.

В это время открылась дверь, и в комнату зашла женщина. Это очень разрядило обстановку: наконец раздались покашливание, скрип стульев, шепот, присутствующие явно расслабились. Двое других бизнесменов, сидящих в президиуме, тоже о чем-то заговорили, но председатель громко застучал карандашом по парте:

– Так, садитесь, дамочка, где вам удобно. Все вопросы – в перерыве.

Миша процедил сквозь зубы: «Ни фиги себе, у них еще перерыв будет!» А потом обратился к председателю:

– Простите, я не помню вашего имени! А нельзя без перерыва?

Миша явно развеселился и стал самим собой. У Шуры отлегло от сердца. А то он уже было подумал, что и в Гарине ошибся. Мама всегда говорила, что он крайне плохо разбирается в людях. Он обычно не спорил, но про себя знал, что это не так: самое большое его достояние – интуиция.

Вошедшая женщина, вместо того чтобы присесть, как ей велели, быстрым шагом проследовала к президиуму. Они о чем-то пошептались с председателем, и тот снова потребовал тишины, а затем с поощрительной улыбкой обратился к залу:

– К нам пришел представитель прессы. Прошу любить и жаловать! Маргарита! Так что, пожалуйста, задавайте вопросы, не стесняйтесь. В «Новостях Израиля» (между прочим, самой крупной нашей газете на русском языке) появится статья о новых предпринимателях.

Маргарита рассеянно улыбнулась и присела в первый ряд в противоположном конце от Шуры и Михаила. Она достала маленький диктофончик, положила его на колени, но пока не включала. Шура про себя удивился, что ее совсем не смутило столь малое число предпринимателей. Миша неожиданно поднял руку. Председатель кивнул.

– Меня интересует система банковских ссуд в Израиле.

– Представьтесь, пожалуйста.

– Михаил Гарин, новенький репатриант из Челябинска.

И Миша шутовски поклонился в сторону журналистки.

– Очень хороший вопрос. На него нам ответит Роман, начальник статистического отдела банка «Апоалим».

Поднялся сосед председателя, худой неопрятный мужчина в очках. Одет он был в салатовую рубашку с коричневым галстуком, и Шура поймал себя на том, что с момента приезда впервые видит мужчину в галстуке. Банкир еще раз представился и начал подробно рассказывать о системе льготных ссуд, предоставляемых новым репатриантам. Одна из пенсионерок подняла руку.

– Я вас слушаю.

– Можно я к вам после лекции подойду?

– Да, конечно.

Пенсионерка обрадованно замолчала. Шура заметил, что Миша совсем не слушает докладчика и искоса поглядывает в сторону журналистки. Шура же, наоборот, заинтересовался, хотя не все было понятно. Фигурировали какие-то сроки, ставки, проценты, и получалось, что банк раздает деньги легко и с радостью, примерно так, как их отдавали в первый день в аэропорту. Получалось, что страна не просто приглашает такую уйму народу, но и помогает встать на ноги. В Москве ему бы не пришло в голову брать ссуду в банке. Проблема состояла даже не в том, как ее отдавать, а в том, будет ли этот банк в тот момент существовать. А если не будет, то приедут строгие дяди и потребуют расплатиться. И не будут рассказывать про ставки и проценты. Все-таки Борцов много на себя брал, когда судил о стране, в которой никогда не был. Шуре ужасно захотелось пригласить его в гости сейчас, немедленно, и по-хозяйски все показать и рассказать о том, что он успел узнать. Но тут он вспомнил про улыпан, что учиться еще пять месяцев, а прогресса не видно, но и без языка нельзя двигаться. Все говорят, что не надо торопиться с работой, а «взять» язык, пока государство платит пособие. Он это понимал, но временами охватывала легкая паника, с которой он, тем не менее, учился бороться. Он внимательно посмотрел на докладчика. Какой он банк представляет? Название какое-то сложное. Преодолевая смущение, он поднял руку. Банкир неохотно прервал свою речь. Шура привстал:

– Простите, пожалуйста. А что вы можете сказать о банке «Леуми»?

Докладчик на секунду задумался.

– Хороший банк... Но я бы вам посоветовал сотрудничать с банком «Апоалим».

Шура испугался:

– А я уже деньги положил.

– Много денег?

– Нет пока.

– Ну, тогда не страшно.

И докладчик повернулся к схеме на доске. Гарин шепнул:

– Шурик, ты не обидишься, если я тебя сегодня провожать не буду.

Он весело подмигнул и покосился на журналистку. Шура одобрительно кивнул. Хотя, по правде сказать, дама ему не нравилась. На вид ей было лет тридцать семь, она была среднего роста, гладкие черные волосы доставали до плеч. Улыбалась она слишком рассеянно, что придавало неестественность ее лицу, да и всему облику. В понимании Шуры она была

никакая. Но больше в данный момент его занимало поведение Гарина. Не то чтобы он осуждал Мишу, совсем нет. Он его не понимал. Он знал до мельчайших деталей историю его эмиграции (здесь поправляли: репатриации), и ее он принимал полностью. Мужчина сделал так, как хочет женщина. Женщине было плохо в ее старом доме, и он решил создать для нее новый. А ведь это каких усилий стоит! И после стольких жертв завести пошлую интрижку с какой-то журналисткой? Надо было так мучиться! В его Челябинске тоже наверняка журналистов много.

Он шел по вечернему городу. Сейчас маршрут из ульпана домой казался новым, так как раньше он проделывал его только в светлое время дня. Собственно, и городом Натанию было назвать сложно. Так, несколько симметричных улиц с легкими названиями Смелянски, Жаботински, Черняховски, пересеченных проспектом Герцеля, которого Шура поначалу путал с Герценом. Более трудными для запоминания были улицы Шмуэль – Анацив и Шломо – Амелех, где он неизменно переставлял фамилии, так как имена этих деятелей были похожи, а фамилии ни о чем не говорили. Хорошо еще, что ему своевременно объяснили, что легкие имена не имеют ничего общего с советскими полководцами и спортсменами. Оказывается, нашлись другие евреи, чьи подвиги органичнее вписались в историю нового государства. Вскоре разрешилась и более трудная задача. Шмуэль оказался комиссаром, а Шломо – царем, при этом их фамилии никак в названиях не фигурировали. Нельзя сказать, что это сильно облегчало запоминание, но, по крайней мере, уберегало от конфузов.

На следующий день была назначена встреча с таинственным Аркашей, Лидиным знакомым. Встреча эта уже несколько раз переносилась, и Шура втайне надеялся, что она и вовсе отменится.

Он преодолел стеснение и настоял, чтобы Лида объяснила ему название будущей должности. Оказалось, что его, если повезет, возьмут работать охранником. Лида сердилась, что он не знает такого простого слова, как «шомер», которое известно в Израиле каждой собаке.

По московской жизни слово «охранник» ассоциировалось с реальным пацаном, который повсюду сопровождает серьезного дядю или же стоит на входе в не менее серьезную организацию. В Израиле же, как выяснилось, шомеры охраняют даже общественные туалеты, что многократно увеличивает востребованность этой профессии. Шура попытался объяснить, что у него нет никакого опыта в данной области. Но выяснилось, что ни у кого нет, но при этом другие в его положении не выпендриваются, а идут, куда берут. Да и туда просто так не возьмут. Дай бог, Аркаша поможет, все-таки Боря ему не чужой, а здесь принято добро помнить.

Шура перешел дорогу, чтобы выйти на улицу Черняховски, на которой находился Фирин дом. Продавец табачной лавки, где он ежедневно отоваривался, широко улыбнулся ему как старому знакомому и сказал: «Алан!» Шура поспешно ответил: «Шалом!» Он еще пока опасался альтернативных приветствий. «Шалом» било безошибочно. Продавец уже доставал пачку его «Пэл-Мэла», который в Израиле смешно называли «Пал-Мал». Он это сразу подметил и старался соответствовать. Хотя употребить знания в полном объеме удавалось редко, так как продавец, завидев Шуру, без вопросов доставал желаемое наименование.

Когда он вышел из магазинчика, проходящие мимо подростки спросили его, который час. Шура, отвернув манжет рубашки, поднес циферблат к глазам одного из парней. Они дружно сказали спасибо и побежали дальше. Его вдруг охватила такая необъяснимая радость, что вот он идет по улице израильского города так, будто бы ходил тут всегда. Ни у кого не возникало ни удивления, ни снисхождения, он был своим, он был отсюда. Шура уже почти любил всех этих прохожих, которые приняли его без объяснений, без доказательств того, что это и его земля. Ты вернулся? Добро пожаловать домой!

– Что ж на собрание не пришел? Много пропустил, между прочим.

Взгляд у Семы стал осмысленным. Он так разволновался, что даже сигарета выпала из рук.

– Да ты понимаешь, мне кошку вчера принесли...

– Кошку?

– Да, брат с женой отдыхать уехали, а мне кошку оставили. На три дня.

– А что, кошка одна не может посидеть?

Сема задумался.

– Да они ее как принесли, она куда-то забилась, я ее весь вечер найти не мог. Прямо испугался.

– Нашлась?

Сема заулыбался:

– Нашлась, дура! Ночью откуда-то выползла и орать начала. Я ее кормил, кормил, а она все равно орет. Прямо не знал, что делать... Потом уснула со мной в кровати.

– Соображает.

Шура собрался поискать Мишу, но Сема не отпустил:

– Ну, скажи, скажи, чего там было-то?

– А, ну было очень познавательно. Главный бизнесмен Израиля выступал, потом банкир один.

Сема расстроился:

– Ну, ты записал?

– А то!

– Дашь почитать?

– Да нет проблем. Только попозже. Я пока сам читаю.

Тут Шура увидел Гарина. Тот махал ему рукой из-за железного ограждения, отделяющего двор ульпана. Сема вдогонку крикнул:

– Вы что, уходите? Ты ж только пришел!

Шура неопределенно махнул рукой. Не объяснять же, что он был на интервью и теперь ждет не дождется, как бы поскорей поделиться впечатлениями с Мишкой. Гарин тут же бросился его отчитывать:

– Что ты с ним лясы точишь? Мировые проблемы решаешь? Жду тебя, ищу. Пошли быстро, я водички хочу купить, пока перемена не кончилась.

Большая перемена длилась полчаса. Ее всегда ждали с нетерпением. Было невероятно трудно выдержать монотонный урок, который длился с восьми до одиннадцати, а потом с полдвенадцатого до часа. Особенно раздражали лица соучеников. Шура никак не мог ответить на вопрос, что он делает в этой разношерстной компании, которая состояла из пионеров и пенсионеров, с преобладанием последних.

Они присели на лавочку и откупорили бутылку апельсинового сока.

– Вот так сидим, понимаешь ли, сочок попиваем из трубочки на государственные деньги, а тебе все плохо. Капризный ты, Шурик! Не по годам...

– Ты чего наезжаешь? Интервью-то дал журналистке?

Миша посерьезнел:

– Не дал. Главное, она не дала.

– Да ты что?! Ну, ладно, не расстраивайся, ты, в конце концов, не журналист.

Вяло посмеялись. Шуре не терпелось рассказать про работу. Миша почувствовал это:

– Ну давай уже говори – где был? Истомился весь.

Дело в том, что Шура решил никому не рассказывать заранее о предполагаемой встрече с работодателем... То ли из суеверных соображений, то ли, наоборот, стеснялся. Мише сказал, что утром идет в банк, а с Яэлью договорился, что опоздает.

– В общем, тут меня кое-куда сосватали, и я решил поработать немного.

Миша выкатил глаза:

– Да, ты что?! – Вся его ироничность куда-то испарилась, и в глазах мелькнуло что-то вроде зависти пополам с уважением. – Ну, ты шустер! Не ожидал. И кто наш покровитель?

Шура смущенно опустил глаза:

– Лида, одноклассница. Помнишь, я тебе рассказывал?

– Да я думал, она секретаршей какой-то работает...

– Да. Но у ее мужа приятель – директор агентства по трудоустройству.

– Неплохо. Ну, и как называется новое место службы?

Шура замялся:

– Да, там пока с местом неясно... Вначале тренинг, а потом прикрепят куда-нибудь..

– Как это прикрепят? А поясней нельзя? Ты на какую должность идешь?

– Шомером, ну, охранником.

Вначале во взгляде собеседника проступило удивление, как будто он чего-то недослышал, потом зажегся легкий ужас, который быстро угас, и ему на смену пришла насмешливая брезгливость.

Шура начал быстро оправдываться:

– Деньги скоро кончатся, а мне их взять неоткуда. Ты сам говорил, что по специальности меня сразу не возьмут. Ведь говорил? А сейчас подвернулась оказия. Не могу же я отказываться.

– Оказия... Сторожем работать.

– А что, учиться? Мы же тут время теряем! Какой иврит? Ты хоть слово сказать можешь? Ходим сюда для галочки и сами себя уговариваем, что так нужно.

Шура слушал себя и понимал, что все, что он говорит, абсолютно верно, не придерешься. И все же, чем дольше он говорил, тем сильнее его охватывала тревога, смешанная с апатией. Не для этого он сюда ехал. А для чего? Если раньше цель была непонятной, но благородной, то теперь становилась просто непонятной.

– В конце концов, это же временно...

Гарин многозначительно улыбнулся:

– Нет ничего более постоянного, чем временное.

– Что ж ты думаешь, я буду всю жизнь сторожем работать?

– Ну, если не выгонят.

Шура нервно хохотнул, а Миша посмотрел на него как на маленького, а к тому же еще не очень здорового.

Если быть откровенным, Шура все про себя понял, как только переступил порог этого агентства по трудоустройству.

Офис агентства представлял собой небольшую комнату с двумя столами и маленьким диванчиком для посетителей. Оба агента, мужчина и женщина, были заняты беседой с клиентами. На Шуру никто внимания не обратил, и он решил присесть на диванчик. Рядом сидела молодая женщина и заполняла какую-то анкету. Анкета была на иврите. Шура очень испугался, что ему дадут такую же, и начал судорожно соображать, как бы поделикатнее объяснить свою временную неспособность заполнить документ. Но никакую анкету ему не предложили. Он спросил у женщины:

– Простите, а вы к Аркадию?

– Нет, а что?

– Да, нет, я просто... Понимаете, я тут первый раз... и вот думаю, может, у них тут разделение.

В тоне женщины слышалась некоторая агрессивность:

– У кого?

– Ну, вот у Аркадия и у этой дамы, не знаю, как ее зовут.

– Фаина. Какое разделение? Мужчина, вы вообще чего хотите?

Шура испугался и от этого стал говорить еще путаннее:

– Да мне вот тут обещали поговорить насчет шомера. Временно.

– Ну, а что вас не устраивает?

– Нет, меня все устраивает. Я просто подумал, что, может, Фаина, например, на другие должности устраивает. Более квалифицированные.

– На какие должности? Вы к Аркадию пришли? Вот поговорите с ним, у него есть все что надо.

– Понятно. Спасибо большое!

В это время мужчина распрощался с посетительницей и поманил Шуру пальцем. Шура вскочил и подбежал к столу.

– Вы – Алекс?

– Я?! А, да. Ботаник Александр. От Лиды.

Аркадий мазнул по нему взглядом и жестом предложил присесть. Шуре стало неудобно, и он попытался заглянуть в глаза собеседнику, но взгляд все время куда-то ускользал. «Неприятный мужик, – подумал Шура, – мутный какой-то, чужой». Тем временем Аркадий достал из стола анкету и начал сам в ней что-то писать. У Шуры отлегло от сердца, и он мысленно отругал себя за поспешные выводы о новом знакомом.

– Когда алию совершили?

– Приехал в смысле? А... три недели назад.

– Точную дату назовите.

– 25 января 2000 года.

– Дата рождения? Номер теудат зеута?

Шура старался отвечать быстро, вот только замешкался с номером теудат зеута, иными словами, паспорта, который он получил еще в аэропорту. Он судорожно рылся в карманах, а документ никак не находился.

– Номер помнить надо.

– Да, вы правы. Никак не выучу.

За то время, что Шура находился в стране, его уже раз пятьдесят попросили назвать этот номер, и он понял, что без паспорта в Израиле даже на балкон выходить не рекомендуется. Однако девятизначный номер никак не запоминался.

– Образование?

– Высшее техническое.

– В армии служили?

– Нет.

– Плохо.

Шуре стало неудобно, но, с другой стороны, Лида прекрасно знала, что он не служил в армии, и ничего не сказала.

– Лагеря проходил, военные. После института.

Аркадий наконец поднял на него глаза:

– Сейчас пойдете в мисрад, получите оружие. Вам там все объяснят. Куда дальше пойти и что сказать...

– Ой, а я уже не помню, когда оружие в руках держал.

– Не перебивайте. Вам все расскажут. Ну, и конечно, работать надо хорошо, чтобы были какие-то перспективы.

Шура удивился:

– А какие могут быть перспективы?

– Разные. Могут сразу уволить, если увидят, что вы работник никакой. И тут уж я вам не помощник. А если все хорошо будет, то со временем получите бонус. В общем, быстренько давайте. Я вам тут все написал, куда сейчас идти. – И он протянул Шуру бумажку.

Шура зачем-то долго благодарил Аркадия, хотя видел, что тот уже тяготится его присутствием. Когда вышел, понял, что не может идти за оружием. Это значило, что обратной дороги нет, что он опять влипает куда-то не туда и потом отказываться будет уже поздно. Он закурил. Солнце шпарило довольно сильно, но если отойти в тень – становилось прохладно. Он заглянул в бумажку. Место, указанное в ней, было совсем рядом, на соседней улице. Что он скажет Лиде? Что ему не понравился Аркадий? Что он решил вначале поискать что-то по специальности? Все эти объяснения для нее не подходили. В Москве бы ничего объяснять не надо было. Лишь рассказать в лицах о сегодняшней аудиенции, и все бы долго и весело смеялись. А тут ему было не до смеха.

Мисрад, в который его направил Аркадий, находился в подвальном помещении. Понял он это не сразу, хотя сразу обратил внимание на табличку, где русскими буквами было написано слово «Шмира». На других табличках русских слов не значилось. Возле входа в здание, как обычно, стоял охранник. В ульпане эти вездесущие охранники были предметом шуток и всяческих издевательств. Сейчас Шура очень ему обрадовался. К тому же тот говорил по мобильному на чистом русском языке. Поздоровавшись, он показал бумажку.

– Вниз спускайся, там дверь тяжелая будет слева.

– Спасибо большое. А вы не скажете, что такое «шмира»?

– Шмира... Ну это... Ну, вот тебе как раз туда.

– А, понял.

В коридоре офиса было пусто, и все внутренние двери были закрыты. Шура решил присесть и дожидаться, пока кто-нибудь выйдет. Он взял со стола потрепанный журнальчик с цветными иллюстрациями различных таблеток и микстур. Текста тоже было много, и Шура, приглядевшись, радостно узнал несколько буковок «алеф»: это была первая буква ивритского алфавита. Правда, это узнавание смысла написанного не проясняло. Шура подумал, что такими темпами за год можно выучить весь алфавит.

– Это ты, что ли, от Аркаши?

Шура вздрогнул, поднял голову и с изумлением узнал в подошедшем работнике Пашу Приходько. Тот тоже удивился и даже присвистнул:

– Ба, какие люди!

Шура вскочил на ноги, они поздоровались за руку, и Паша сильно хлопнул его по плечу как человека знакомого. Шура тоже для большей доверительности легонько толкнул того в грудь:

– Ты что, работаешь тут?

– А то...

– Как ты быстро устроился.

– Помогли добрые люди.

Тон Приходько был небрежно-снисходительным, а Шура не мог разобраться в своих чувствах. С одной стороны, было приятно встретить знакомого в чужом городе. Все-таки ничто так не объединяет, как совместное переживание первых минут эмиграции. Однако в этой встрече было скрыто что-то неприятное, подтверждающее неверность Шуриного пути. Паша спросил:

– В шмиру, значит, решил податься?

Шура неопределенно пожал плечами: мол, а куда еще?

– Но ты имей в виду. Шмира – это тебе не так это, воздухом подышать, тут не каждый выдерживает...

– Паш, а что такое шмира?

Приходько внимательно посмотрел на Шуру:

– Ну, ты даешь! Ты чего не знаешь, типа, где работать будешь?

– Почему не знаю. Шомером.

– Ну, а чего тогда спрашиваешь? Прикалываешься, что ли?

Тут Шура начал догадываться:

– Это шмира, да?

– Ну, шмира, шмира!

– То есть шмира – это охрана?

– Ну, а что же?

– Слушай, может, ты знаешь, что такое мисрад?

– Задолбал! Ну, вот тут мисрад! – И он обвел руками комнату.

– Тоже охрана?

Паша разозлился:

– Сам ты охрана. – Он потопал ногами. – Мы с тобой стоим в мисраде... Чего непонятного?

– Комната, что ли?

– Какая комната, блин?! В комнате живут, а тут работают.

– А! Что-то вроде офиса?

– Ну, а что же?!

– Что ты злишься? Трудно слово перевести?

– Я тебе что, переводчик?

Теперь Шура злился на себя. Зачем он начал этот разговор? Ему опять, как в первый день в аэропорту, захотелось выбежать из комнаты и закрыть за собой дверь. Но этикет не позволял. Паша привел его в темное помещение, зажег тусклую лампочку и, погремев ключами, вытащил из сейфа пистолет. Пистолет был старый, двенадцатизарядный, явно бывший неоднократно в употреблении.

– Вот дома разберешь, соберешь. Там иногда внутри жучки живут. В общем, почищишь.

Шура вертел в руках пистолет, и к нему странным образом возвращалось чувство уверенности. Где бы в Москве ему доверили такое? Об этом даже рассказать не стыдно. Наоборот, заважают.

– Паш, а ты в армии служил?

– А то!

– А я нет.

– Кто б сомневался... Значит, слушай сюда. Сейчас пойдешь к Йоси, адвокату. Скажешь обязательно, что в армии служил. Подпишете там бумажки разные, разрешение на оружие и все такое.

Шура испугался:

– А он по-английски говорит?

– А ты что, русский уже забыл? – Паша громко заржал, радуясь собственной шутке. – Да русский он, е-мое! Ну, в смысле.

– Ну, понятно. А я думал.

– Ты бы лучше меньше думал и слова всякие переводил. Трудись себе – помалкивай! Больше толку будет. Вообще много болтать не советую, нигде не удержишься.

Шура сторожил школу. Верней, «сторожил» было громко сказано. Пару раз согласно инструкции проверил сумки у незнакомых людей. Проверял с каменным лицом, так чтобы не было никаких сомнений, что с ним шутки плохи. А руки дрожали. Очень неудобно было

копаться в чужих вещах. Особенно смущали доброжелательные старушки, которые, пока он шарил в их сумочках, болтали без остановки явно что-то поощрительное.

В два часа в школе уже никого не было, и смена кончалась.

Первые три дня дались легко, на четвертый Шура загрустил. Шел дождь, и дул сильный ветер. Школа, где он служил, стояла недалеко от моря, и Шура слушал шум волн, который почему-то не успокаивал, а, наоборот, тяготил. Вспомнилась Анапа, он, маленький, бредущий по кромке воды, внимательно разглядывающий песок под ногами. Он тогда все время искал крабов и находил их чаще других, а потом не знал, что с ними делать. А на следующий день опять отправлялся на поиски: пьянила мгновенная радость находки. В этом море крабы не водились, в нем вообще не было ничего живого, кроме новых репатриантов среднего возраста, которые в одинаковых белых панамках осторожно плавали вдоль берега. Всех предупредили в первый же день, что море здесь коварное. Дальше будто прорвало плотину, которая не пускала воспоминания в сегодняшний день. Ежедневные заботы, бытовые мелочи, боязнь упустить что-то важное отвлекали и надежно загораживали прошлое. А сейчас вынужденное одиночество и многочасовое молчание сыграли с ним злую шутку. Что бы интересно сказала Марина, если бы увидела его у этой трехэтажной школы под дождем с пистолетом на боку?

Когда они впервые встретились после памятного похода в театр, тоже шел дождь. У Марины был большой зонтик, который она тут же открыла и деловито вложила в его руку. В этом жесте не было ничего романтического, и Шура чувствовал себя неуютно. Очень хотелось поскорее поставить все точки над *i*.

Он позвонил Марине через три дня после их случайного знакомства. Так он решил, и это ожидание далось ему нелегко. Марина холодно выслушала его путаное напоминание о себе и сказала, что в ближайшее время будет занята. Сложный период в институте. Может, потом как-нибудь, но никак не сейчас. Шура хорошо помнил, что тогда очень разозлился, но вскоре почему-то полегчало. Раз не получилось, значит, так тому и быть. На следующий день он проснулся с ощущением, что освободился от этого странного наваждения. Жизнь потекла своим чередом.

Марина позвонила сама через месяц. Узнав ее голос, Шура не почувствовал ничего, кроме удивления, и ему даже стало обидно, что такой невероятный звонок не всколыхнул ни капли от того первого сладостного сумасшествия. И еще присоединилось неприятное ощущение какого-то подвоха, которое он гнал от себя на протяжении всего разговора.

Марина говорила сбивчиво и взволнованно, при этом давая понять, что звонок исключительно деловой и, если бы не было крайней необходимости, она ни за что бы его не побеспокоила. Подробности были не для телефонного разговора, и она настоятельно попросила о встрече.

Когда он увидел ее, что-то приятно укололо, и он даже задержал дыхание, чтобы сохранить это ощущение, но Марина заговорила быстро и путано, и морок исчез, как будто его никогда и не было.

История была проста и странна одновременно. Марина жила с родителями в трехкомнатной квартире, при этом на нее еще была записана комната в коммуналке в Марьиной Роще, доставшаяся ей по наследству от двоюродной бабушки. Комнату четыре месяца назад сдали какому-то мужику, который долго и тяжело разводился с женой. Марине он сразу не понравился, но за него замолвили слово какие-то соседи, и она уговорила родителей, расписав жильца как человека исключительной порядочности и кристальной честности. Дело в том, что родители в принципе были против сдачи комнаты: хлопотно это, да и как-то некрасиво. Люди их круга деньги зарабатывают и копейки по углам не собирают. Марина в то время заболела покупкой шубы, верхней, не шубы, конечно, а полушубка. Шубы носят только приезжие. Тем более шуба эта уже была привезена из Италии папой подруги специально для

Марины. Дальше шел пространный рассказ про папу, который работает в хорошей организации и не вылезает из Италии, так что подруга уже одета с ног до головы. Драматизм ситуации усугублялся тем, что вещь была сразу выдана Марине в долг, под сданную комнату.

Первый платеж жилец внес вовремя, без всяких напоминаний. Но дальше ушел в запой, из которого не выходил по сей день. Шура было заволновался, что у него хотят одолжить деньги, которых не было, но вскоре понял, что ему предназначена иная миссия, более ответственная и достойная. Жильца следовало разбудить и насильно отвезти по месту прописки. Как выяснилось, Марина уже успела побывать у супруги жильца, которая категорически отказалась участвовать в операции, однако принять мужа, если его удастся транспортировать, согласилась. В квартире он прописан, и не пустить его она права не имеет. Она законопослушная гражданка. Шура воодушевился и предложил позвать Борцова. Так вернее будет. Все-таки мало ли что пьяному в голову взбредет. Марина взглянула на него презрительно:

– Ты не бойся, Виктор Петрович тихий. Просто не могу же я его одна поднять и в машину погрузить.

– А я не боюсь...

На протяжении всего рассказа на языке у него вертелся вопрос, который даже неудобно было озвучить. Неужели у Марины не нашлось ни одного знакомого, кроме Шуры, который мог бы ей помочь? Все-таки виделись всего один раз. Нет, не то чтобы он возражал, но просто странно как-то это было. Но Марина будто бы прочитала его мысли:

– Ты, наверное, удивляешься, что я к тебе обратилась?

– С ума сошла! Да я с удовольствием.

– Ты просто не знаешь моих родителей. Если до них дойдет, мне конец!

– В каком смысле?

– В таком! Мне вообще ничего не разрешат. Из дому не выпустят. Нет, за шубу, конечно, папа расплатится. Но мне такая шуба не нужна.

– А кто у нас папа?

– Папа?

Марина будто даже удивилась вопросу:

– Главный товаровед магазина «Богатырь».

– А!!! Предупреждать надо.

Марина наконец рассмеялась:

– Да, с ним не забалуешь. Но ты не представляешь, какой он человек. Таких сейчас нет.

В жизни чужой копейки не взял. Вот и с меня требует как с себя...

– Да ты вроде свою копейку хочешь забрать.

– Вот именно забрать. Он же просил меня не связываться с непорядочными людьми.

– Ну, ты уж так себя не кори. На Викторе Петровиче не написано, что он непорядочный.

– Поэтому папа и говорит: не делай того, чего не умеешь.

Шура усмехнулся:

– Какая ты правильная.

Марина глянула на него с вызовом:

– А ты думал, я какая?

Шура смутился:

– Так и думал.

Операция была назначена на пятницу. Марина еще раз пять напомнила о полной секретности, и они расстались. Шура хотел тут же позвонить Борцову, но в последний момент передумал. Решил, что расскажет постфактум, так будет интереснее.

Дверь открыли соседи. Виктор Петрович действительно спал одетый на диване, и Шура успокоился. До последнего момента его одолевали сомнения в правдивости Марининого рассказа. Виделась во всем этом какая-то уловка, хитрый замысел, который Шура раз-

гадать не мог. А главное, было неприятно думать о Марине в таком ключе. Но Виктор Петрович не подвел. Складывалось впечатление, что тот уже много дней не раздевался, не ел и не пил безалкогольных напитков. Запах в комнате тоже стоял соответствующий. Вначале Шура наивно пытался его разбудить, тряся за плечи и дергая за волосы. Потом добрая соседка принесла кастрюльку с холодной водой. Жильца полили, но эффект был тот же. Сын соседки, Коля, предложил воду вскипятить, но эту меру коллективно отвергли. Марина нервничала. Шура оправдывался:

– Говорил, надо было Борцова взять. Как я его один донесу? Если бы он хоть на ногах стоял...

Но тут подключился Коля. Им даже удалось натянуть на Виктора Петровича куртку и одетого, но босого погрузить в ожидавшее внизу такси.

Дверь открыла жена и без слов указала на комнату, куда следует внести тело.

Когда вышли, Коля предложил отметить, так, по чуть-чуть, но Шура поймал напряженный Маринин взгляд и отказался. Домой ехали молча. Шура пытался шутить, но Марина на шутки не реагировала. Он проводил ее до самого подъезда, она сдержанно поблагодарила и неожиданно поцеловала в щеку:

– Ты мне очень помог! Правда.

А через неделю она пригласила Шуру в гости. Так, без повода. Долг платежом красен, и она не может просто взять и исчезнуть.

Шура сорвался:

– Вот зачем эти подробности?! Я и так понимаю, что ты меня не на крестины зовешь.

– А что я такого сказала?

Шура молчал.

– Ну, извини, если я тебя обидела. Никто никого не заставляет. Не хочешь – не приходи.

Шуре еще пришлось извиняться и уточнять, какие цветы любит мама. Если мама там такая же кристальная, как и папа, то подготовиться следовало серьезно. Но это он подумал, а вслух ничего не сказал. В какой-то момент он понял, что с Мариной нельзя болтать обо всем, что на ум придет.

Родители не понравились сразу. Ему было очевидно, что у Марины должны быть другие родители. Так или иначе, приняли они Шуру радушно, велели не стесняться и сразу пригласили к столу. Шура не то чтобы стеснялся, но как-то тяготился. Все время ему казалось, что его пристально разглядывают, слишком подробно расспрашивают, а его ответы подвергают тщательному анализу. А еще через некоторое время он почувствовал, что находится в состоянии обороны.

Мама произнесла с вежливой улыбкой:

– Шура, а каким вы видите свое будущее?

Шура засмеялся:

– Да я не ясновидящий.

Мама, однако, не разделила его веселья:

– Значит, у вас нет никаких планов?

– Ну, почему, планы есть... Только они почему-то никогда не сбываются.

Он хмыкнул, но мама продолжала смотреть пристально и серьезно.

– А сколько вам лет, Шура?

– Двадцать два.

– Ну, вот видите, вы уже большой мальчик.

– Ну, это смотря для чего.

Мама удивилась:

– Как для чего? Для всего. Человек в вашем возрасте уже отдает отчет во всех своих поступках.

– Это да. Я отдаю.

Шура почувствовал, как Марина наступила ему на ногу. Довольно больно. Тон мамы стал мягче, но при этом дидактичнее.

– Ну, давайте посмотрим на примере.

– Давайте.

– Вот вы, как я знаю, заканчиваете институт.

Шура кивнул.

– Очень хорошо. То есть вы еще студент.

– Пятого курса.

– Я надеюсь, вам, например, не придет в голову заводить семью, не встав на ноги?

– Ну, что вы! Конечно нет.

– Что – нет?

– Не придет в голову. Семью заводить.

Мама переглянулась с папой. Заговорила вкрадчиво:

– Шура, а вы всегда соглашаетесь?

Шура задумался. Он никак не мог понять, чего эта дама от него ждет. Да и разбираться не хотелось. Надо было как-то завершить разговор и при этом остаться вежливым. Тогда положение спас папа, настоятельно предложив выпить, так как перерывчик сильно затянулся. Потом Марина говорила, что мама осталась в целом довольна, а вот папа как раз назвал его мягкотелым. Шура очень удивился. Ему казалось, что тот вообще к разговору не прислушивался и не было ему до Шуры никакого дела. Эти люди были ему непонятны с самого начала, да и сейчас, по прошествии стольких лет, понятнее не стали. Они были другие. А вот Марина, дочь своих родителей, оказалась своей. И ее несхожесть не отталкивала, а зачаровывала и побуждала разобраться. Но это он понял потом. В тот день, когда приехал с Мариной на дачу к Борцову.

Зазвонил мобильник. Шура, не торопясь, со значительностью вынул его из кармана. Некоторое время слушал трель, разглядывая номер на дисплее. Все-таки какой он молодец, что в кои-то веки не послушался Лиду и не поторопился с покупкой трубки. Теперь ему выдали пелефон от работы: и аппарат, и звонки бесплатные. Он нажал кнопку. Звонил Аркадий. Шура обрадовался: во-первых, устал от молчаливого одиночества, а во-вторых, его переполняло чувство гордости, что не подвел благодетеля, оправдал надежды, несет свой пост исправно, без жалоб и нареканий.

– Алекс, манишма?

– Спасибо, все нормально.

Шура давно выучил три самых распространенных приветствия, среди которых «манишма» было одним из самых ходовых, а также знал, что на это следует отвечать «бэс-эдер». Более того, ему не составляло никакого труда произнести заветное слово. Однако в самый ответственный момент он как-то смущался и не мог преодолеть барьер искусственности такого ответа, тем более точного перевода слова он не знал.

– Алекс, вы знаете, что завтра вы едете в Иерусалим?

Шура опешил:

– Я? Зачем?

– Вы там завтра работаете.

Шура заволновался. Наверное, он что-то сделал не так, и ему об этом почему-то не сказали. Но с другой стороны, в Иерусалим не ссылают. Это же не Урюпинск. Может быть, это такое повышение.

– Вы меня слышите?

– Да-да, слышу. Только я не понял – почему?

– Потому что завтра человек нужен там. Люди распределяются по мере необходимости. Вас же предупреждали.

– Да? Может, я не понял... Ну, не важно... А на сколько это?

Аркадий усмехнулся:

– Кто ж это знает? Как только утрясут с тем детсадом, вас вернут в Натанию. Не переживайте.

– Детсадом? А что там не школа?

– А это имеет значение?

– Да нет... Просто тут рядом с домом... А сколько же туда ехать?

– Не переживайте. Вас отвезут. В четыре часа будет подвозка на углу Герцеля и Смялянски.

– В четыре утра?!

– Ну, не вечера же. Туда ехать больше двух часов. В общем, я все вам рассказал. Не опаздывайте. Удачи. Бай!

Шура еще какое-то время стоял с трубкой в руке, переваривая услышанное.

В Иерусалим поднимались. Дорога закручивалась вверх по спирали, и, хотя подъем не был крутым, у Шуры закладывало уши и перехватывало дыхание. Он смотрел в окно, не отрываясь, боясь упустить любую деталь восхождения. Теперь он понимал, почему в Израиле говорят «подняться», а не «приехать» в Иерусалим. Сейчас он поднимался куда-то, правда, куда – он не знал, но точно знал, что так надо.

Его попутчик, малопрятный мужичонка лет пятидесяти, сразу дал понять, что к беседе не расположен. Кроме того, он почти всю дорогу дремал и даже ни разу не взглянул в окно. Шура не выдержал и обратился к водителю:

– А я первый раз в Иерусалим еду.

Водитель не ответил и лишь еле заметно кивнул головой.

– А мы по городу круг сделаем?

– Какой круг?

– Ну, там к Стене Плача.

Водитель нехорошо усмехнулся:

– К Стене Плача ты в другой раз поедешь.

В обычной ситуации Шура бы обязательно расстроился из-за собственной нелепости, но сейчас слова не доходили до него. Он был в параллельной реальности. Голову сдавило в висках, как бывает при подъеме давления. Но это ощущение было странно блаженным, и хотелось, чтобы оно длилось и никогда не кончалось. Город был абсолютно белым и как будто необитаемым, вернее, не предназначенным для жилья. Только когда их сильно тряхнуло на светофоре, он увидел вокруг множество машин и людей, семенящих по переходу.

Садик, который Шура сторожил, был для детей из религиозных семей. Он уже успел привыкнуть к виду ортодоксальных евреев, а вот детки его умилили. Они выглядели уменьшенными копиями взрослых: мальчики – в кипах с маленькими пейсами, девочки – в длинных темных юбочках и туфельках по моде шестидесятых. При этом играли и шумели они как обычные дети, и воспитательницы в строгих темных нарядах никак не обрывали их крик, а если обращались к кому-то, то голоса не повышали. Все опять казалось сказочным и нереальным, как будто он вернулся на пару веков назад. Однако к вечеру настроение испортилось. Вдруг смешной и абсурдной показалась его собственная миссия. Для чего он тут стоит с пистолетом? Смешно рассказать кому-нибудь. Ни дети, ни воспитатели его не замечали. Так, стоит какое-то неодушевленное чучело в дополнение к пейзажу. Он вдруг отчетливо вспомнил свой первый инструктаж. Его проводил некий Хаим, который на поверку оказался Фимой из Харькова. Этот Хаим особо подчеркнул, что они трудоустраивают шомеров по всей стране, но при этом всегда (он подчеркнул «всегда») находят объект рядом с домом. И

работнику удобно, и фирма на подвозках экономит. Очень может быть, это исключительный случай, но спросить об этом было не у кого: по-русски никто вокруг не говорил, а на иврите он мог спросить только «манишма» и сам себе ответить «бэсэдер». Вспомнился ульпан, и впервые кольнуло, что он, возможно, упускает что-то важное, что играет в какие-то нелепые игры, и лишь для того, чтобы не думать и не двигаться вперед, потому что не знает, где его перед, а где зад, и то, где он сейчас пребывает, скорее зад, только красиво обставленный. Он, такой ответственный, трудится себе на прокорм, а другие жизнь прожигают, язык учат. Якобы учат. Так как только маленькие дети могут не понять, что в ульпане никакого языка не выучишь. Мысль сделала круг и вернулась в исходное положение, и тогда он немного успокоился. Конечно, он не ушел бы из ульпана, если бы видел в нем хоть какой-то смысл. А завтра он вернется на прежнее место, и жизнь потечет в правильном русле. А в Иерусалим он приедет, но не сейчас, позже, и совсем другим человеком. В кармане зазвенел мобильник. Он поспешно вытащил трубку и нажал на кнопку. Звонил Аркадий:

- Алекс, манишма?
- Бэсэдер, спасибо.
- Как работается на новом месте?
- Нормально. Но лучше уж опять на старом.
- Да вы что?! Неужто Иерусалим не понравился?
- Очень понравился. Но не для работы.
- А для чего?

Шура разозлился, но не от самого вопроса, а от тона, с которым он был задан. Этот Аркадий еще смел над ним издеваться. Привык работать с определенным контингентом, с бесправными и никчемными людишками, которым некуда больше податься, и думает, что все такие.

- Я, наверное, неправильно выразился. К городу у меня претензий нет.

Аркадий громко расхохотался. Шура слушал смех и молчал.

- Ну, слава богу! В общем, завтра вы на том же месте.

- В смысле, в Натании?

– Нет, в этом же садике. Я звоню, чтобы вас вечером не беспокоить, а то приедете, устанете. Так что завтра в четыре вас заберет подвозка.

- Подождите, как это опять? Вы же сказали, что это на один день.
- Когда я такое говорил? Я что-то не понимаю, вам работа нужна?
- Нужна.

– Ну, тогда какие претензии? Знаете, Алекс, тут свои правила на работе не диктуют. Если, конечно, хотят продержаться. А если не хотите, так и скажите. Все, счастливо, бай!

Шура спал, и ему снилось что-то тревожное, и еще он помнил, что надо обязательно разлепить глаза на въезде в город. И он действительно проснулся в самом начале подъема и опять затаил дыхание, но вчерашнего чуда не случилось, сколько он ни озирался. Они также ехали по серпантину, и белые бесконечные стены обволакивали со всех сторон. Вокруг мчались машины, а сам он сидел в одной из них, рядом со вчерашним сонным мужичком, и все было обыденно, и не было ничего впереди.

Впервые за долгое время Шура работал спокойно. Так с ним всегда бывало после принятого решения. За последнюю неделю он сменил три разных садика в Иерусалиме. Стоял на посту и оттачивал предстоящий диалог с Аркадием. Приводил доводы, сам себя опровергал, злился и под конец дня чувствовал себя абсолютно разбитым. А наутро плелся на угол, где его подбирала та же машина и везла в Иерусалим.

Накануне вечером позвонила мама. Шура весело рассказывал об ульпане, о публике, с которой коммунизм не построишь, на ходу сочинял смешные случаи. Получалось очень правдоподобно. Мама осторожно спросила:

– Шуренька, может, не стоило ехать?
– Мам, ну, опять ты за свое! Ну, что я могу сейчас сказать?! Я же еще ничего не понял!
– Ну почему ты раздражаешься? Я тоже хочу понять. Ведь еще ничего не поздно, правда?

– Правда, мама, правда! Но я никуда возвращаться не собираюсь!

– А я тебе ничего не говорю.

Помолчали.

– Шура, ты чего-то недоговариваешь...

– Так, я не собираюсь тебя успокаивать, тем более для этого нет никаких причин.

После разговора Шура долго не мог уснуть. Впервые за многие годы ему было жалко маму. Навалились воспоминания той, прошлой жизни. До Марины. Получалось, что мама его всегда утешала, и, даже когда ее не было рядом, он знал, что она утешит, и с этим жил. Затем следовал провал в памяти. И потом появлялась другая мама. И теперь он пытался вспомнить, когда же его мама превратилась в чужую, давящую, невыносимую женщину, которая признавала только себя и свое мнение. Как вообще могло такое случиться? Он знал, что эту мысль надо обязательно додумать, но нахлынуло раздражение – то ли на маму, то ли на себя, то ли на проклятую работу. Как они его все замучили! С этим раздражением он и уснул, так и не разобравшись, кто является причиной всех его несчастий.

А наутро проснулся с твердым решением поговорить с Аркадием. И ему стало легче.

Разговор сразу не заладился. Как только Шура заговорил, у Аркадия на столе зазвонил телефон. Шура замолчал, но тот рукой дал отмашку: мол, продолжай. Получалось глупо. Шура будто бы разговаривал сам с собой. Когда Аркадий повесил трубку, Шура осекся на полуслове. Аркадий начал что-то искать на столе. Вытащил какую-то бумажку и протянул Шуре:

– Хорошо, что вы пришли, я как раз вам звонить собирался.

– Да? А что случилось?

– Вот. Ваш первый маскорет. Поздравляю.

– Какой маскорет?

– Ну, как какой? Зарплата ваша. Заработали.

Аркадий снисходительно улыбался, а Шура бегал глазами по строчкам, пытаясь найти нужную цифру. Цифр было много. Кроме того, они сопровождались словесными описаниями, что усложняло задачу.

– Ладно, у меня там люди. Деньги уже зашли в банк.

– В банк...

– А как вы думали? Здесь люди деньги в банке хранят.

– Это понятно. Я о другом хотел сказать.

Аркадий нетерпеливо поморщился:

– Это срочно?

– Понимаете. меня взяли на работу в Натании.

Аркадий молчал.

– А получается, что в Иерусалиме – это надолго.

– И что?

– Меня это не устраивает.

Аркадий откинулся на спинку стула. Повторил рассеянно:

– Вас это не устраивает... Ну и чем я вам могу помочь?

Вопрос был странным, но не безнадежным. Шура не хотел идти на конфликт. Он так и думал вначале попытаться решить все миром.

– Я хочу, чтобы вы перевели меня обратно в Натанию.

Аркадий тяжело вздохнул:

– Вы какой-то непонятливый, ей-богу! Объясняю вам, объясняю. Хотя могу и не объяснить. Согласитесь, вы еще не та птица, которой полагается знать систему работы охранной фирмы.

Шура молча согласился.

– Я понимаю, Алекс, вы недавно в стране. Вам трудно. Но все вам идут навстречу. Я вам все предельно ясно объяснил. Какие условия, как работать. На русском языке, кстати. Вы, по-моему, со всем согласились.

– Но мы говорили о Натании...

Шура понял, что или сейчас, или никогда. Он волновался, и от этого получалось путано. И еще он очень боялся, что Аркадий его перебьет. – и потом, ну сами подумайте. Вы же только что сказали, и правильно сказали, что шомер не важная птица. Это же самое низшее звено. И я абсолютно согласен, что сам на это пошел. Но ведь это чепуха какая-то. Что же в Иерусалиме нет своих шомеров?!

– Вы нам будете указывать, как работать?

– Я не хочу никому указывать, но работать так тоже не буду.

Аркадий пожал плечами, и Шуру это насторожило. Надо было скорее завершать разговор.

– Короче, Аркадий, мне это неприятно, но я вынужден уйти.

Аркадий усмехнулся:

– Отработаете год и уйдете.

– Какой год?

– Обыкновенный. Согласно контракту. Вы сами его подписали.

Умом Шура еще не понял смысла сказанного, но уже почувствовал, что ждал именно такой развязки или подобной. Он знал, но не хотел себе признаваться. То есть ничего конкретного он, конечно, не знал, а лишь предчувствовал, что сделал что-то непоправимое и эти игры ему еще аукнутся, так как ему никогда не сходили с рук игры с огнем. Эта неотвратимость предчувствия наполнила его тоскливым покоем. Азарт пропал, а с ним и нужные слова, которые он так долго готовил. Все это уже не имело значения.

– Так что, Алекс, не валяйте дурака. Идите домой и отдохните.

– А что я подписал?

Аркадий начал злиться:

– У вас дома есть копия, идите и почитайте. А у меня времени, извините, больше нет.

– Там на иврите. Я не понимаю.

– Хорошо, я напомним. Если работник прерывает контракт в течение первого года, он платит неустойку в размере двух месячных маскоретов. Так понятно?

Так было понятно. Шура вздохнул:

– А что кто-то работает больше года?

Аркадий быстро глянул на Шуру, но ничего не сказал. Он, видимо, ожидал другого вопроса. А Шуре внезапно захотелось задушить этого благодетеля или, по крайней мере, сделать ему больно. Они думают, что он это так оставит. Ан нет!

– Я подам на вас в суд.

Аркадий уже набирал чей-то номер. Отвлекаясь, глянул на Шуру так, будто видел его впервые. Сказал рассеянно:

– Вперед и с песнями.

Он только успел перебежать дорогу на красный свет, как зазвонил телефон. Это был Паша Приходько.

– Ты, типа, крутой стал?

Шура опешил от такой наглости. Ну как быстро сработали! Паша, получается, тоже над ним начальник.

- Паша, манишма!
- Ты мне мозги не крути. За тебя, между прочим, люди просили. Тут так не делают, Шурик!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.